

Панченко

Администрация городского округа Кинешма
Ивановской области

**Историко-культурный и природный
потенциал Кинешемского края.
Развитие регионального туризма**

Материалы V (24 апреля 2007г.) и
VI (2-3 апреля 2008г.) региональных
краеведческих конференций

Кинешма
2008г.

История предпринимательского дела братьев Шемякиных в Кинешме (по воспоминаниям Е.И. Шемякиной «Жизнь буржуйки»).

Воспоминания Евдокии Ивановны Шемякиной, жены купца Василия Ивановича Шемякина, «Жизнь буржуйки» хранятся в личном архиве её потомков, проживающих в Кинешме. Ксерокопия машинописной копии воспоминаний была передана Шепелевой Н.Р. в Кинешемский краеведческий музей, а оттуда (благодарим за сотрудничество Н.Н. Григорьеву) попала также в архив Плесского музея-заповедника. «Жизнь буржуйки» – замечательное произведение, являющееся и уникальным по своему значению историческим источником, и талантливый образец мемуаристики, написанным искренним и эмоциональным человеком. Воспоминания насыщены фактами, касающимися истории Шуи, Плеса, Кинешмы, в них, как в капле воды, отражена история России того времени.

Мы же попытаемся осветить лишь одну из тем, описанных в «Жизни буржуйки», – историю предпринимательского дела братьев Шемякиных в Кинешме.

Вот как описывает Евдокия Ивановна начало деятельности Шемякиных в Кинешме: «Ивана Ивановича, старшего брата, отправили в приказчики в Кинешму к Маклашину. Потом в Плесе случился розыгрыш на права по торговле водкой (прежде были какие-то откупа) и им достались права. Их они продали, не хотели торговать водкой, а открыли хлебную лавочку в Кинешме. Плес в это время замирал, а Кинешма с проведением железной дороги до неё развивалась. Постепенно переехали туда и другие братья под начало Ивана Ивановича. Во время их торговли случился в Кинешме громадный пожар, сгорела и их лавка с товарами. Мать утешала их, говоря: «Аще и весь

мир приобретаешь, в землю снидеш». Страховку им выдали, духом они не упали и дело опять пошло»¹. Отношения с работниками были почти домашние. Евдокия Ивановна пишет: «На наших харчах жили несколько рабочих и служащих. Им отведена была комната при доме внизу. По воскресеньям Иван Иванович любил сходить к ним поиграть в козла и попеть песни. Вася говорил, что он их стесняет, и ходил туда редко и ненадолго. Так ли это было, не знаю. «Солнце всходит и заходит» и «Ермак» часто доносилось оттуда»². Торговым семейным делом занимались еще Павел Иванович и Яков Иванович. По словам Евдокии Ивановны, Яков Иванович по делу «был неважный и мог торговать только в мелочной лавке под домом на улице, где торговля была небольшая, главная лавка на площади против Волги находилась сзади Казанской церкви и сдавалась от неё. Деньги крутились, товар не залеживался, дело шло в гору. Чтобы не вызывать неудовольствие братьев при увеличивающейся нашей семье, положили всем одинаковое жалование. Бухгалтерия была поставлена хорошо»³. Василий Иванович «ездил закупать рожь, пшеницу, овес на пристанях по Волге и в южные губ. зимой. Пшеничную муку покупали на крупных мельницах Бугрова, Башкирова, Соколова и др. За пшеном, крупой ездили по железной дороге больше или покупали через доверенных. Славились пшено Зарывного, Брагина. Закупки больше вёл Вася, уезжать приходилось по осени надолго. Покупали по Волге в Спасске, Хрящевке, Часовне, Чистополе и друг. пристанях»⁴.

Торговля хлебом приносила прибыль и дала возможность заняться мукомольным делом, инициатором которого стал Василий Иванович Шемякин. Евдокия Ивановна пишет: «Бр. Шемякины, так называлась наша фирма, сняли в аренду лет на 5 у барина Бубенина небольшую водяную мельницу на реке Кинешемка, верстах в двух от города, её поустроили, поставили вальцовки и начали работать обойную ржаную муку. Но эта мельница не удовлетворяла, только поучились на ней. Гуляя с Васей на маленьком бульваре, сидя на тычке над речкой Казохой, мы глядели вниз, где ютились старенькие домики и думали, вот бы где мельницу то построить – за Казохой на углу: баржи с рожью прямо к мельнице, и узкоколейка проходит мимо, а мельница Бубенина мала, отдалена от Волги, много расходов ложится на хлеб. И вот Вася настоял у братьев купить участок земли на углу Казохи и поставить там современную вальцовую мельницу. Многие страшали: «Заведешь мельницу, вылетишь в трубу», но была энергия у Василия Ивановича, стремление работать во всю, дать народу дешевую, хорошую ржаную муку – обойную и обдирную. Под руководством инженера Королькова выстроена была мельница по последнему слову техники. У Эрлангера купили мельничное оборудование, поставили газогенератор и заработали, кажется, с 1906 года. Ни один из братьев не касался мельницы, всецело ею занимался Василий Иванович, она была его детищем»⁵. На мельнице заботились о здоровье работающих. Когда началась оспа и заболела Евдокия Ивановна, «всем окружающим рабочим и служащим привили оспу»⁶.

После 1905 года торговля продолжала развиваться. «По покупке хлеба стали иметь дело с помещиками. Их хлеба ценились в большинстве случаев дороже крестьянских по своему качеству. Мельница стала работать по 10000 пуд. в день. Мечты Васины исполнились, мука стала выходить лучше и дешевле, чем у других, и пошла она не только по Кинешемскому уезду, но и в Иваново, и в Шую, и дальше, и по Волге. Зарботки наши увеличились, прибавили и жалование»⁷, – вспоминает Евдокия Ивановна. С поставками отрубей через Рыбинск вышли на границу.

Вскоре в Кинешме появились и конкуренты. Как пишет Евдокия Ивановна, «по нашему примеру и ивановские крупные торговцы Латышов и Куражов построили мельницы в Кинешме, но нам не повредили»⁸. «... Дело торговое расширилось, на возрастающий капитал построили склады при мельнице. Василий Иванович задумывал ввести в дело служащих, дать им в мельнице небольшие паи. Но скоро открылась война с немцами и все пошло насмарку»⁹.

Евдокия Ивановна вспоминает: «Настала война с немцами, а народ озлоблялся, ища виновников. Как быть! Если остановить повышение цен, вывезут от нас из Кинешмы всю муку, и район наш останется без хлеба. Все-таки решили не повышать цен и объявили об этом в газете. Другая газета откликнулась на это: «Да воссияет нам свет с востока и т.д.», – писала она. А я думала: то

нападают несправедливо, то нахваливают не в меру. Чтобы хлеб не уплыл весь из Кинешмы, и город не остался без хлеба, стали отпускать на руки по норме.

Раз явился в лавку фабрикант Тихомиров за дешевым то хлебом, прося отпустить побольше, сам не запас во время. Василий Иванович и выставил его из лавки. Мы старались помогать государству добросовестно. Я помню, как Вася взялся доставить Сироткину для армии хлеба на самых невыгодных для себя условиях, все удивлялись назначенной им дешевой цене, и все выполнял, несмотря ни на какие трудности.

Купил Вася на мое имя «Займа Свободы» на 100 тысяч. Войне не сочувствовали, но помогать стране считали своим долгом, ведь братья наши сражались на фронте. «А цены Бог строит, а не мы», – говорил Василий Иванович. Скоро торговля перешла в казну, да мы и рады этому были. Мельница стала брать только государственный помол»¹⁰.

С мельницы нескольких человек забрали в армию, их семьям выплачивалось половинное, а некоторым и целое жалованье. Когда призвали в армию Василия Ивановича, на мельнице его заменил брат Яков Иванович¹¹.

В армии Василий Иванович продолжал заниматься тем же делом, закупал муку для армии. В одном из писем, присланных им из Москвы, процитированных Евдокией Ивановной в «Жизни буржуйки», он писал: «Дубликаты на муку, купленную мной, получили, и мука скоро придет, а Балаболина вагон уже пришел и уже начали его. В городе большие хвосты у булочных и мясных лавок, да при таком-то холоде. Купить хлеба стало большим трудом для горожан, что-то дальше будет»¹². «Вот письмо Василия Ивановича из Москвы от 18 марта (1917 г.?) «Милая, дорогая, мамок, я уже из Нижнего приехал сегодня, муки и там не оказалось, завтра посылают в Ярославль, там у Салазкина есть мельница, может, даст. Съездить если не далеко, не тяжело и разнообразие большое. В Нижнем виделся с Гуровым, Колесниковым и Петровых Ав. Сам., доверенные хлебных фирм, время прошло там хорошо, народ все был знакомый»¹³.

Евдокия Ивановна в тревожное военное время, когда случались волнения по поводу нехватки хлеба, боялась оставлять запасы муки и получила такой совет мужа в его письме, датированном 10 декабря 1915 г.: «В приют Лебединской муки советую дать мешок, а об остальной, пожалуйста, не беспокойся, для своего обихода полагается иметь годовой запас, да, кроме того, тебе придется дать кое-кому, и потому, кроме добра, ты своим запасом никому не сделаешь, а потому, пожалуйста, не бойся. Если кто спросит, скажи, что муж заготовил для семейства. Твой Вася»¹⁴.

После войны Василий Иванович вернулся в Кинешму. Работать в смутное послереволюционное время было сложно. Ваня, сын Василия Ивановича и Евдокии Ивановны, писал в своем дневнике: «Недавно папа сказал, что с мельницы записались в красноармейцы 16 человек. Им должна и мельница платить, да и в совет солдатских и рабочих депутатов. Их позвали учиться на межаки, а им не захотелось туда ходить. Положили все ружья в склад и не стали красноармейцами! А один даже после этого исповедовался»¹⁵. Евдокия Ивановна вспоминает: «По вечерам стало страшно ходить по городу. Ожидаем обысков. У Вани в дневнике записано: «Ночью грабили ларьки, 4 человека убито, несколько ранено, страсти-то ведь какие. А мы сердешные всю ночь спали – ничего не слышали. А хорошо, что мы не очень волнуемся, мама говорит: «Жить – будем жить, а умереть – так умрём».

9 февраля. Сегодня вечером, когда мы читали, кто-то позвонил в парадное, мы все побежали навстречу. Видим, идут 5 чел. большевиков, трое с винтовками. Они спросили папу (а он был в комитете). Мама за ним послала, он пришел. Большевики потребовали, чтобы мы еще дали денег в совет. Папа сказал, что уже отдал четыре тысячи куда-то. Говорят: «Деньги должны внести в совет». Один уж больно нехорош был. В конце концов, ушли. И так чуть папу не арестовали. Ох уж эти большевики. Как им не стыдно. Вчера хотели взять тот дом (дядин) под солдат, да не взяли, не понравился. А сегодня наш взяли. Уж лучше бы там брали, мы бы пустили дядю Пашу и дядю Яшу к себе»¹⁶.

После того, как Шемякины лишились мельницы и своего дома на Набережной в Кинешме, старшие дети, Люба, Аня и Наташа, чтобы не бросать учебу, перешли жить в дом дядей, а младшие дети с папой и мамой переехали в Плес. Вскоре приехали в Плес и старшие дети, так как «ученье там разлаживается», как пишет Ваня Шемякин в своем дневнике¹⁷. Он же сообщает о

том, что на «бр. Шемякиных наложили большевики контрибуцию»¹⁸, что подтверждает протокол заседания Совета Плесского городского хозяйства от 25 февраля 1919 г., согласно которому Шемякину П. И. и В.И. была назначена контрибуция в 2000 р. каждому¹⁹. По словам Евдокии Ивановны, «перед Пасхой еще всем торговцам в Плесе велено было явиться в Совет, их там задержали, требуя контрибуцию. К Светлой заутрени Вася выпросился у комиссара Петра Геннадьевича Токова, и он отпустил его на честное слово. Вася твердо его и сдержал»²⁰.

К торговле Василий Иванович вернулся лишь во времена НЭПа и то не сразу. С 1917 по 1923 год он служил десятником в одной из контор города Плеса²¹. Евдокия Ивановна пишет: «Вася не хотел торговать, но видеть меня на толкучке было ему тяжело. Приехал из Кинешмы племянник Александр Яковлевич Кузнецов и бывший наш приказчик Иосиф Васильевич Тихонов и стали упрашивать его идти с ними в компанию, им надо было его имя и знание дела. И вот папа решил, хоть не с охотой, ехать. Мы продали в Костроме его золотые часы, мою брошку с красным камешком и бриллиантиками, ротонду плюшевую осеннюю, одеяло, несколько золотых, сохранившихся еще в моей детской копилке, и набрали для начала немного денег. Ездили за товаром, закладывали его в банк, я не знаю этих операций, только слышала от папы, что это помогало на первых порах и вообще к Вас. Ив. было доверие. Сняли опять свою старую лавку, и торговля пошла ходко. Вася жил в Кинешме на квартире у компаньонов, а я с детьми в Плесе»²². Вскоре семья соединилась в Кинешме, снимали квартиру у Второва, около вокзальной рощи. Но ввели высокие налоги, «которые оправдать не виделось возможности, и он [Василий Иванович – от автора] остался не у дел»²³.

Пытаясь как-то прокормить семью, к Ночке прикупили еще одну корову, Голубушку, и сепаратор, делали масло, сметану и творог, в том числе и на продажу²⁴. Вскоре и коров отобрали. «Когда их гнали вместе с другими по дороге к вокзалу, они вырвались на углу, прибежали к нашим воротам и ревели. Догнали их и забрали опять»²⁵, – вспоминает Евдокия Ивановна.

Ликвидировав торговлю, Василий Иванович купил золотых, которые уже после его ареста в 1930 г., после долгих мытарств его жены, а затем и дочерей Ани и Наташи по разным тюрьмам в Костроме и Иваново, в 1932 году были конфискованы ГПУ²⁶.

Итак, в 30-е гг. XX в. Шемякины стали лишенцами во всех смыслах этого слова, утратив не только свои права, но и имущество, пройдя, таким образом, путь многих деятельных людей своего времени.

1 Шемякина Е.И. Жизнь буржуйки. Архив Плесского музея-заповедника. Ф. 3. Оп. 1. Д.82. Л. 42-43.

2 Там же. Л. 43.

3 Там же. Л. 43.

4 Там же. Л. 44.

5 Там же. Л. 48.

6 Там же. Л. 49.

7 Там же. Л. 50-51.

8 Там же. Л. 52.

9 Там же. Л. 53.

10 Там же. Л. 54.

11 Там же. Л. 58.

12 Там же. Л. 62.

13 Там же. Л. 64-65.

14 Там же. Л. 61.

15 Там же. Л. 69.

16 Там же. Л. 69-70.

17 Там же. Л. 73.

18 Там же. Л.74.

19 Протоколы заседаний Плесского Совета городского хозяйства. ГАИО. Ф. 972. Оп.1. Д. 46. Л. 78-79.

20 Шемякина Е.И. Жизнь буржуйки. Архив Плесского музея-заповедника. Ф. 3. Оп. 1. Д.82. Л. 75-76.

21 Справка ИЦ УВД Ивановской области от 29.12.98. № 4/0-6.

22 Шемякина Е.И. Жизнь буржуйки. Архив Плесского музея-заповедника. Ф. 3. Оп. 1. Д.82. Л. 80.

23 Там же. Л. 81.

24 Там же. Л. 81-82.

25 Там же. Л. 84.

26 Там же. Л. 85, 103-114.